

Художественные письма

Книга о Н. К. Рерихе

В годы войны в Петербургѣ вышла монументальная и богато иллюстрированная монографія, посвященная творчеству Н. К. Рериха. Текстъ в ней состоялъ из общаго биографического очерка и изъ отдѣльныхъ статей, написанныхъ извѣстными художниками и критиками; в общемъ все это давало всестороннее освѣщеніе личности одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ художниковъ XX вѣка. Съ того момента прошло почти четверть вѣка и за это время въ жизни Рериха произошло столько значительного и имѣтъ создана масса художественныхъ произведеній, что изданіе нового обстоятельного труда о немъ на русскомъ языке оказалось совершенно своеобразнымъ. Что же касается до иностраннѣхъ языковъ, то всякихъ изслѣдований о Рерихѣ набралась за эти же годы цѣлая библиотека и среди нихъ имѣются довольно обстоятельный и изданныя съ извѣстной пышностью.

Новымъ (русскимъ) трудомъ является только что полученный въ Парижѣ отъ рижскаго изданія, существующаго при «Музѣе Рериха», фоліантъ «Рерихъ» со статьями Всев. Н. Иванова и Э. Голлербаха, подъ редакціей А. М. Пранде. Это только 1-я часть предпринятой полной монографіи. Изданіе предполагало сначала издать монографію въ одномъ томѣ, но накопившись материалъ такъ обширнъ, что пришлось труду раздѣлить. Содержитъ эта 1-я часть, главнымъ образомъ, то, что было создано художникомъ послѣ его отѣзда изъ Россіи, и какъ разъ это русскимъ людямъ, интересующимся его творчествомъ, наименѣе извѣстно. Въ этомъ смыслѣ эта часть является какъ бы продолженiemъ поминутой монографіи 1916 года. Для второй части понадобится особенно усиленная работа — вѣдь придется собрать снимки со всѣхъ картинъ Рериха, разбросанныхъ по русскимъ музеямъ. Надо надѣяться, что и въ смыслѣ текста эта вторая часть окажется полезнымъ пополненiemъ первой.

Самымъ серьезнымъ недостаткомъ книги, изданной въ Ригѣ, я считаю именно необычайную бѣдность фактическихъ элементовъ въ текстѣ. Если вѣнчаніе книги и не производить впечатлѣнія чего-либо особенно «паранднаго», то все же она вполнѣ отвѣчаетъ требованиямъ хорошаго вкуса. Ясный шрифтъ, «приятная» бумага, «приятный» форматъ, очень хорошій воспроизведенія, какъ черныя, такъ и красочныя. Послѣднія куда болѣе высокаго качества, нежели тѣ, которыми обычно украшаются русскія (совѣтскія) изданія — между тѣмъ, именно живопись Рериха требуетъ тщательной красочной передачи; въ его картинахъ красочная задача, «оркестровая инструментовка» всегда играетъ самую существенную роль. Жаль, правда, что пришлось прибѣгнуть къ системѣ наклеекъ; это не способствуетъ ея изяществу, ни цѣльности впечатлѣнія, получаемаго отъ книги, но система наклеекъ позволяетъ пользоваться мѣловой бумагой, необходимой при репродукціи и въ то же время оставляетъ печатанныя страницы безъ утомительного для зѣнія и не- приятнаго для осозанія блеска. Что выбортъ не всегда толково, что въ книгу попало нѣсколько картинъ малозначительныхъ, а то и просто неудачныхъ, это тоже грѣхъ небольшой, ибо достаточно такихъ примѣровъ творчества Рериха, которыхъ производятъ сильное впечатлѣніе, которымъ радуютъ глазъ и волнуютъ душу.

И вотъ, когда отъ иллюстрацій переходишь къ тексту, то тутъ и получается недоумѣніе, а то даже и огорченіе. Почти ничего фактическаго этотъ текстъ въ себѣ не содержитъ, и жизнь Рериха, какъ же, какъ самая личность его, остаются по прочтѣніи весьма туманными. Отсутствуютъ элементарные свѣдѣнія о происхожденіи Рериха, объ его семье, объ его дѣтскихъ годахъ, объ его юности. Отсутствуетъ и дальнѣйшее, при какихъ обстоятельствахъ произошло его переселеніе въ С. Штаты, какъ была наложена его азиатская экспедиція, въ

какихъ условіяхъ жилъ художникъ, въ какихъ живеть нынѣ, — на склонѣ Гималайевъ и т. д. Въ общемъ же Рерихъ представляется какой-то мифической фигурой, существующей въ времени и пространства.

Въ моихъ упрекахъ по адресу авторовъ текста новой монографіи Рериха не слѣдуетъ видѣть какое-то «праздное и разочарованное любопытство». Я не принадлежу къ тѣмъ, которымъ доставляеть особое (подчасъ отмѣченное извѣстнымъ злорадствомъ) наслажденіе увидѣть того или иного «великаго человека», — въ халатѣ и въ туфляхъ. Но я по вкусамъ своимъ и предпочтіямъ историкъ и, въ качествѣ такового, особенно цѣню запечатлѣніе жизни; люблю факты, люблю точность и въ частности особенно сокрушаюсь надъ тѣмъ, что намъ такъ мало извѣстно о самыхъ значительныхъ личностяхъ прошлаго, что эти свѣдѣнія такъ сбивчивы и такъ сплетены со всякою ложью и со всякимъ вздоромъ. Милый Вазари ощущалъ этотъ недостатокъ въ собранныхъ имъ материалахъ жизнеописаній художниковъ и поэтому часто «украшалъ» свои біографіи непроверенными анекдотами, но значительная часть послѣднихъ только еще болѣе путаетъ наше представлѣніе о томъ, или другомъ мастерѣ. Тѣмъ же дефектъ страдаетъ біографъ голландской школы Хоубракенъ и многиѣ другіе художественные лѣтописцы. Но что было простительно въ старину, то непростительно въ условіяхъ нашего «безконечно болѣе сознательнаго» быта, и вотъ особенно обиднымъ этотъ дефектъ становится въ такой книжѣ, какъ та, что лежитъ передъ нами и которая поражаетъ своей пустотой. Обѣ статьи текста написаны не въ тонѣ изслѣдованія или хотя бы «фактическаго запечатлѣнія», а обѣ наперевѣ заняты однимъ только воспѣваніемъ Рериха. Это ужъ не біографія художника, а это одинъ сплошной гимнъ какому-то божеству, вызывающій какъ разъ обратный эффектъ, нежели тотъ, который оба пѣснопѣвца имѣли въ виду. Моментами получается въ его ирраціональную и стихійную природу вносятъ стараній и расчета суетнаго порядка.

Думается, что самъ художникъ едва ли остался доволенъ такимъ усердіемъ своихъ поклонниковъ. Считается вообще, что гордынѣ Рериха нѣть предѣловъ, что главной движущей силой, заставляющей его нераз-

рывно сочетать личное творчество (и весь сопряженный съ этимъ трудъ) съ какимъ-то мировымъ мессианствомъ (требующимъ еще большихъ, несравненно большихъ усилий), — что этимъ моторомъ является тщеславіе. Такое мнѣніе сильно распространено и оно даже вредитъ «серѣзности» успѣха Рериха. Столько же, сколько художникъ вытирается въ смыслѣ своей «мировой знаменитости», столько же онъ, благодаря репутаціи ненасытнаго честолюбца, теряетъ въ смыслѣ интенсивности впечатлѣнія, производимаго его творчествомъ. Да и вообще «хорошая политика» или «элементарный тактъ» требуютъ не заходить за извѣстные предѣлы, и Рерихъ слишкомъ уменъ, чтобы не чувствовать этихъ предѣловъ. Почему же онъ не обуздаєтъ тѣхъ, кто о хорошей политикѣ и обѣ элементарномъ тактѣ никакого представлѣнія не имѣютъ?...

Скажу откровенно, мнѣ лично все это мессианство Рериха не по душѣ и главнымъ образомъ потому, что оно съ моей точки зѣнія даже мѣшаетъ Рериху-художнику исполнять свою настоящую, свою «художественную миссію». Лозунги, написанные на знамени этого мессианства, самые почтенные, и я особенно сочувствую тѣмъ, которые сводятся къ словамъ «миръ и благование». Но почему то мнѣ не вѣрится, чтобы можно было чего-либо достичь въ проведении такой «программы» посредствомъ всего того, что возникло благодаря общественной дѣятельности Рериха. Я вообще не вѣрю ни въ какія конференціи, пакты, лиги, рѣчи, юбилеи и апофеозы. Быть можетъ это во мнѣ какой-то дефектъ, можетъ быть меня вообще природа обидѣла, не надѣливъ въ достаточной степени чувствомъ общественности.. Но, вѣроятно, тутъ и нѣчто другое и чисто художественное. Во мнѣ слишкомъ громко говоритъ вѣра въ спасительное дѣло искусства, какъ такового, — вѣра въ то, что искусство совершаѣтъ само по себѣ свою миссію, — и это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе «о немъ заботятся», чѣмъ меньше въ его ирраціональную и стихійную природу вносятъ стараній и расчета суетнаго порядка.

Въ книжѣ о Рерихѣ очень много говоритъ именно о томъ благотворномъ дѣйствіи, которое искусство оказываетъ на мировую душу, на умиротвореніе человѣчества, на всякое оживленіе и процвѣтаніе «Добра». если бы въ нее можно было «войти» и въ

ней «пожить», — какъ иначе сложилась бы и самая миссія Рериха! Можетъ быть она была бы болѣе ограничена въ географическомъ, въ планетарномъ отношеніи, можетъ быть она была бы менѣе поразительна въ своей «универсальности», но она была бы болѣе подлинной, и тогда уже не пришлось бы апологетамъ подносить ее въ качествѣ какого-то чуда-іуда, о которомъ и говорить то приходится на языкахъ священныхъ книгъ. Она говорила бы сама за себя. И то облагораживающее значение искусства, то самое, о чёмъ Рерихъ тактъ усиленно печется, и къ чему онъ постоянно взываетъ, было бы болѣе действительнымъ и болѣе дѣйственнымъ.

Я знаю, человѣка не передѣлаешь, человѣкъ остается такимъ, какимъ его выпустила изъ своихъ рукъ мать-природа. Она же поставила его на какое-то дѣло, вдохнула въ него ту степень энергіи, которая нужна для того, чтобы человѣкъ развился въ извѣстномъ направлѣніи и исполнилъ свою жизненную задачу. Ни Гварди, ни Доміэ не могли бы ни при какихъ обстоятельствахъ сдѣлаться Леонардо или Микеланджело, ни обратно, — эти колоссы не могли бы (даже если бы они того захотѣли) превратиться въ тѣхъ «маленькихъ геніевъ», какими были два первыхъ художника. Мнѣ поэтому и въ голову не приходитъ въ чёмъ-либо обвинять Рериха и еще менѣе какъ-то «учить» его. Многое въ его искусствѣ мнѣ дорого, и я это принимаю такимъ, какое оно есть, — безъ всякаго желанія это, «съ благодарностью принимаю», исправить и «улучшить». Но мое чувство мѣры вѣцѣ все же возмущается, когда я читаю такія слова, какія сказаны въ статьяхъ Голлербаха и Всев. Иванова; мнѣ становится неловко за Рериха и у меня является непреодолимое желаніе «поставить вещи на мѣсто». И пусть Доміэ останется Доміэ, Гварди — Гварди и т. д., вѣмъ имъ, большими и малыми, но подлинными, почетъ, уваженіе и восторгъ, вѣмъ имъ уготовлены мѣста на Парнасѣ подъ лаврами Аполлона. Но пусть все-же существуютъ разные способы выраженія восторга, когда мы говоримъ о нихъ или же когда мы пробуемъ передать то высшее счастье, которое наскѣкъ охватываетъ при видѣ «Диспутовъ» Рафаэля, «Блуднаго сына» Рембрандта или «Коронованія Богородицы» Белланжелло... Александъ Бенуа

По этому вопросу состоялось несколько заседаний совета министров, на которых выяснилось твердое желание Японии воздержаться от всего, что могло бы носить характер недружелюбного акта по отношению к Англии и Франции.

Хиранума несколько разъ вызывал к себе итальянского и германского послов и излагал им точку зрения правительства на этот вопрос. Глава японского правительства предлагал компромиссное решение, но его предложение было отвергнуто в Берлине.

В дипломатических сферах истекшие дни считаются поворотным пунктом в общей политике Японии и, возможно, в истории «оси».

В чём состоял проект компромисса

Токио, 28 апреля.

Газета «Хоши», подтверждая свидетельство о расхождении между Японией, с одной стороны, и Италией и Германией, с другой, по вопросу о превращении антикоммунистического пакта в военный союз, сообщает, что компромиссное предложение Японии, сообщенное Германии и ею отклоненное, пре-

ненгерманских методов для успешной многолетней борьбы с самими германскими «благодетелями». Впрочем, здесь Гитлер не выдерживает своей линии и проговаривается. Весь тут был чешский «бастонь», который нужно было сокрушить, чтобы подорвать германский мир в Европе. Аудитория много хлопала и хохотала по поводу этих параллелей. Нам вспоминается один документ, еще более остроумный и ядовитый: отвратительная Чичерина президенту Вильсону. Можно бы вспомнить еще о том, как украинские казаки пишут отвратительную турецкому султану. И еще вопрос, который отвратитель — талантливые.

Но где Гитлер достигает рекорда безстыдства, это в комплиментах по адресу чехов. Как же, прекрасный народ! Работящий, трудолюбивый. Недаром тысячу лет был в германской школе. На счет исторических споров фюрер, правда, не особенно силен. Тысячу лет тому назад германцы не успели еще дойти от своих южных берегов до славян, уже населявших тогда и Чехию, и Польшу. Забыть, конечно, и великодушный разгром Чехии при Байлой Горе. Забыто, что германская школа состояла с тех пор в усво-

военных кругах, все его усилия остались бесплодными: Япония всецело поглощена китайской войной и не имела никакого желания создавать себестоимость с Америкой, Англией и Францией.

Майский в Лондон

Лондон, 28 апреля.

Прибыл Майский, встреченный на аэродроме представителями лондонских газет. Полпред уклонился от всяких заявлений.

Совещание у Муссолини

Рим, 28 апреля.

В Рокка делле Каминаре, резиденции Муссолини, состоялось продолжительное совещание между дуче, начальником генерального штаба ген. Парини и министром финансов Ревелем.

На совещании обсуждались весьма важные меры противостояния, которые будут предложены на рассмотрение совета министров.

Англичане задержали итальянский пароход

Гибралтар, 28 апреля.

Английские военные суда задержали в гибралтарских (британских) водах итальянский пароход «Портофино». Причины этой меры не сообщены.

Визит Риббентропа в Бухарест

Бухарест, 28 апреля.

На торжества по случаю праздника независимости Румынии, 10 мая, прибудет, в качестве представителя Германии, фон Риббентроп. Официально, это — отвратитель на визит, сданный только что румынским министром ин. дф. Гафенко в Берлин; в дипломатических кругах в приветствии Риббентропа видят, однако, доказательство всей важности, какую Германия придает в настоящее время румынской позиции.

Сегодня встретили министра иностранных дел Саракоглу и весь персонал полпредства.

Германский суд в Танжер

Лондон, 28 апреля.

Из Танжера телеграфируют: Местные власти обратились к командирам германских судов, бросивших якорь в международном порту, с просьбой не спускать на берега команду. Просьба мотивирована тем, что в Танжере стоят также и французские военные суда, и что, таким образом, возможны нежелательные столкновения.

Де Монтера выслан из Италии

Рим, 28 апреля.

Де Монтера, один из виднейших членов французской колонии в Риме, инспектор французского лицея и бывший профессор французского института в Неаполе, выслан из Италии. Власти отказались дать объяснения, и де Монтера вынужден был покинуть страну в 24-часовой срок. На вокзале его провожали многочисленные иностранцы, проживающие в Риме.

В Палестине

Иерусалим, 28 апреля (Гавась).

Приняты особые меры борьбы с нелегальной еврейской иммиграцией. Палестинское правительство грозит соответственно сократить число сертификатов, включив в него всех тех, кто незаконно прибыл в страну. Капитаны судов, перевозящих нелегальных иммигрантов, будут караться штрафом от 1 до 10.000 ф. ст. или тюремным заключением на 5 лет.

Призыв летчиков в Италии

Рим, 28 апреля (Гавась).

Приказом министра воздухоплавания, призываются на учебные сборы в младшие офицеры-пилоты и унтер-офицеры-навигаторы, имеющие пилотский диплом.

Задолго до того, как американский материк был открыт и колонизирован болями, — напомнил фюрер, — Германия существовала даже не в нынешнем своем виде, а в гораздо более широком.

Националь-социализм будет продолжать политику возрождения германской мощи —

допуская все же, что «всякий раз, когда возникает столкновение между жизненными интересами Европы и интересами отдельной нации, последняя должна уступить или, в крайнем случае, отложить осуществление своих планов».

Оправдание аншлусса

Исходя из этого принципа, Гитлер оправдывает все акты внешней политики Германии, вызвавшие такое раздражение в демократических странах. Аншлусс был необходим, ибо австрийская окраина испеклась въездом японской земли».

Демократии-победительницы отторгли ее от Германии и всегда противились плебисциту, который позволил бы населению Австрии свободно выразить свою волю.

(Продолжение речи см. на 2-ой и 4-ой стр.).

Впечатление за границей

В Лондон

Лондон, 28 апреля (Гавась).

Еще до того, как Гитлер начал свою речь, специальный аэроплан, опустившийся на Крайонском аэродроме, доставил из Берлина несколько экземпляров ее текста. Документы эти были немедленно пересланы в министерство иностранных дел. В каждом экземпляре — 100 печатных страниц.

Первое впечатление от речи — неосновательность аргумента Гитлера, которым он оправдывает расторжение англо-германского пакта. В тексте пакта есть указание, что отношения между германским и английским флотами (35 : 100) являются «постоянным и категорическим». Возможность расторжения пакта в силу каких-либо новых условий не оговорена.

Общее впечатление: речь не содержит никаких конкретных предложений и потому не окажет никакого влияния на международное положение.

(***)

Лондон, 28 апреля (Гавась).

Агентство Рейтер сообщает: По мнению авторитетных кругов,

Бухарест, 28 апреля (Гавась). Речь Гитлера встречена спокойно. В политических кругах обращают внимание, что если еще недавно можно было опасаться агрессивного выступления Германии против Румынии, то сейчас, как будто, центр устремлен Гитлера перенесен на Польшу.

Позиция обоих государств, одинаково угрожаемых Германией, — ясна: необходимо еще более тесное сближение. Совсем недавно, на пути в Берлин, Гафенко на польской территории имел свидание с польским министром иностранных дел пол. Беком, во время которого (свидания) было уточнено характер польско-румынского пакта.

В Москву

Москва, 28 апреля (Гавась).

В правительственные кругах отказываются от всяких комментариев до получения полного текста речи Гитлера. Указывают, однако, что денонсирование англо-германского морского соглашения и германо-польского договора лишний раз доказывает, что нынешняя Германия в договорах видит лишь способ осуществления своих целей и отказывается от них только, как только они ей почемулибо становятся неудобными.

Два меморандума

Лондон, 28 апреля. Германский посыпанный в день представителю французского меморандума, извещающий о расторжении англо-германского морского соглашения 1935 года и подробно мотивирующий эту меру. Меморандум воспроизводит все доводы, высказанные Гитлером в его речи.

**

Варшава, 28 апреля.

Польское правительство получило «меморандум», в котором излагаются мотивы расторжения польско-германского договора 1934 года. Меморандум выражает удивление германского правительства по поводу нового политического пути, на который сочла нужным встать Польша.

На бирже

Парижская биржа встретила речь Гитлера с полным спокойствием. Не только не было никакой нервности, но, наоборот, котировки, несмотря на ликвидацию, связанную с концом месяца, отметили новое повышение.

Художественные письма

Посл. № 10го июня 1933 г.

О ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕКОРАЦИИ

Большая выставка, устроенная в музее Галлея, посвящена не одной декорации, но и всяким другим явлениям театрального порядка. На ней можно видеть портреты и карикатуры, афиши, рисунки костюмовъ, книги и скульптуры, имеющие даже образчики музыкальныхъ инструментовъ, а въ особой «темной» комнатѣ показывается весьма сенсационное изображение: один пейзажъ на глазахъ у публики превращается въ совершенно другой, и эта перемѣна происходит исключительно благодаря воздействію цвѣтныхъ лучей на полотно, расписанное специальными красками.

Однако, я не собираюсь давать отчетъ о выставкѣ, какъ таковой; мнѣ это неудобно уже потому, что я самъ на ней участую иучаствуетъ кое кто изъ близкихъ мнѣ людей. Мнѣ скорѣе хочется высказаться по поводу выставки, и, скажу прямо, мнѣ нужно подѣлиться тѣмъ довольно тяжелымъ чувствомъ, которое овладѣваетъ мной при ее обозрѣніи. Я вовсе не намѣренъ критиковатъ ея устройство, ея систему, то, что выставлено, и сколько всего, и почему не было взято международный масштабъ (вспоминаешь, какъ были интересны разные национальные отдѣленія театра на декоративной выставкѣ 1925 г.). Выставка обильна экспонатами; расположены они удачно, насколько позволяетъ это неудобнѣйшее изъ музейныхъ зданій Парижа; изъ театральныхъ художниковъ, живущихъ въ Парижѣ, мало кто пропущенъ, а кое кто представленъ достаточно полно. Повторяю, не въ самой выставкѣ дѣло; не она возбуждаетъ во мнѣ тоску, а получается тоска отъ того, что здѣсь лишній разъ констатируешь конецъ писаной театральной декорации.

На разныхъ предыдущихъ театральныхъ выставкахъ это впечатлѣніе не получалось съ такой категоричностью, — быть можетъ, оттого, что на нихъ бывали и ретроспективные отдѣлы. Такъ было на великоклѣйной выставкѣ въ Павильонѣ Марсанъ, устроенной еще до войны, и такъ было на выставкѣ у Шарпантье. Если современность не

слишкомъ радовала (но радовала и она), то можно было вполнѣ уѣхнуться тутъ же рядомъ, — обозрѣвая произведения художниковъ былыхъ временъ. Нынче же этого нѣть, и вотъ отсутствие уѣхдающей своей красотой старины и чрезвычайное обилие всякихъ гризансъ, которыхъ сейчасъ подъ знакомъ «всепобѣждающей юности» торжествуютъ побѣду на подмосткахъ, при ограниченнѣи представительства того, что ещеѣрно прежнимъ принципамъ декораций, — это все и дѣйствуетъ на меня огорчающимъ образомъ. Можетъ быть, только на меня, а, можетъ быть, и на всякаго другого, кто не мыслитъ театрального зрѣлища безъ живописи, безъ того, чтобы дѣйствіе развертывалось на живописномъ фонѣ, опредѣляющемъ мѣсто дѣйствія и помогающемъ созданию нужнаго настроенія, «атмосферы».

Это началось уже давно. Если хотите, это началось съ того, что театральная декорация, достигнувъ изумительного совершенства въ первой половинѣ и въ серединѣ XIX-го вѣка, стала затѣмъ впадать въ своего рода схоластичество. Въ ней начался процессъ омертвѣнія, вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія всякихъ рецептовъ и трюковъ. Театральному декоратору полагалось на зубокъ знать сложную премудрость перспективы; онъ умѣлъ до полнаго обмана воспроизвести клесными красками все, что угодно; пользуясь всякими пособіями, онъ могъ передать особенности любого стиля; но постепенно въ своей специализации онъ все болѣе и болѣе отмежевывался отъ искусства въ общемъ смыслѣ слова. Специальная споровка загнала его въ тупикъ, и его существование оказалось гдѣ-то рядомъ съ прочей жизнью театра.

Бывали исключения. Иные изъ этихъ мастеровъ-специалистовъ лично интересовались дѣломъ въ его совокупности, но, не обладая ни нужной авторитетностью, ни глубокой культурой, они обыкновенно до того старались выразить свою освѣдомленность, что и ихъ декорации превращались въ безсмыслицъ нагроможденія. Усерд-

ствую въ показаніи своихъ знаній, они перегружали композицію тысячами деталей и каждой детали придавали полную иллюзорность. Въ такихъ случаяхъ также не могло получиться настоящей художественности; не только декорация не способствовала требуемому настроенію, но она мѣшала и отвлекала вниманіе.

Реакція противъ такого положенія началась раньше всего въ Россіи, — съ привлечениемъ къ театру художниковъ не-театральныхъ, не специалистовъ, питавшихъ, однако, къ театру особую нѣжность и мечтавшихъ вернуть ему душу. Москвичи Коровинъ, оба Васнецова, Врубель, Головинъ были первыми на этомъ пути, а В. А. Теляковскій открылъ имъ доступъ на казенную сцену со всѣми ея возможностями. Независимо отъ нихъ, и въ Петербургѣ произошло нѣчто подобное, и въ 1900-мъ году оно обозначилось совершенно отчетливо съ момента, когда князь С. М. Волконскій, идя навстрѣчу желанію художниковъ, поручилъ рядъ постановокъ въ Эрмитажномъ театрѣ и на Маріинской сценѣ Баксту, мнѣ и тому же Головину. Черезъ 8-9 лѣтъ «мы всѣ», включая еще Рериха, получили консекрацію Парижа, который пришелъ въ восхищеніе отъ постановокъ, привезенныхъ Дягилевымъ, и этотъ успѣхъ подвигнулъ и здѣшнихъ передовыхъ затѣйщиковъ обратиться къ не-театральнымъ художникамъ — Детома, Піо, Дреза.

Однако, вскорѣ, почти одновременно съ такимъ возрожденіемъ декораций начались и первыя гоненія на нее, и возможно, что въ основѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ гоненій лежало чувство обиды другихъ театральныхъ дѣятелей; ихъ злило, что столько вниманія удѣляется фону, что, какъ казалось имъ, мѣшаетъ главному. Тріумфъ живописной декорации оказался для нея роковымъ. Но особенно сильные удары были нанесены ей еще въ началѣ 1900-хъ годовъ, — и не постановщиками, а художниками же, а именно цѣлой теоріей, учредителемъ которой считается Апія, и которая нашла себѣ виднаго поборника въ Гордонѣ Крэгѣ. Апія не отрицалъ необходимости художественного характера въ означеніи мѣста дѣйствія, но, забоясь болѣе всего о настроеніи, считалъ, что оно достигается лучше всего посредствомъ крайнаго упрощенія; онъ первый обратилъ внимание на эффекты освѣщенія и на возможность создания монумент-

альной пластичности посредствомъ площа- докъ разнаго уровня, соединенныхъ между собой лѣстницами. Борясь съ «писаной иллюзионностью» на плоскости, онъ пытался создавать извѣстный «вещественный реализмъ», посредствомъ подбора всякихъ формъ. Такъ, декораторъ-живописецъ пытался передать грандиозность тѣмъ, что громоздилъ на своемъ фонѣ иллюзорно написанные архитектуры. Апія достигалъ (вѣрно, думалъ, что достигалъ) гораздо большаго впечатлѣнія посредствомъ пользованія самыми формами, сведенными къ схематическому минимуму, — къ столбу — колоннѣ, къ стѣнѣ, къ лѣстницѣ. И такимъ образомъ тогда родился пресловутый конструктивизмъ, а отъ него уже пошли и всѣ прочія ереси, которая сначала воспринимались, какъ курьезы моды, но постепенно сложились въ цѣлую «обязательную систему», — систему, въ своей основѣ враждебную иллюзорной писаной театральной декораций...

Еще недавно вѣра въ конструкцію была уძломъ самой авангардной передовитости. Я помню, съ какимъ вызовомъ одинъ изъ парижскихъ божковъ открывалъ Америку, провозглашая абсолютъ конструктивизма и недопустимость въ уважающемъ себя театре *des dÃ©cors peints*. Возможно, что нынѣ этотъ же способъ говорить ровно обратное, если только онъ еще удостаивается интересоваться такой старомодной вещью, какъ театръ. Зато въ открытую имъ Америку ринулись десятки и сотни художниковъ изъ тѣхъ, кто во что бы ни стало хотѣть быть *à la page*, и сегодня то, что вчера было пугающимъ дерзновеніемъ, стало общимъ мѣстомъ. Сейчасъ неприлично мыслить театральное мѣсто дѣйствій иначе, какъ состоящимъ изъ всяческихъ жердей, спиралей, ширмъ, досокъ, шаровъ, платформъ, кубовъ и стремянокъ. Если же кто рѣшается писать декорацию, то онъ ее изготавливаетъ не иначе, какъ въ характерѣ убогихъ ребяческихъ каракуль, и успѣхъ ему выпадаетъ тѣмъ большій, чѣмъ меньше декорация что либо выражаетъ.

При этомъ, по смѣхоторной ироніи вѣщей, кругъ въ этой области замкнулся. Въ былое время упреки сыпались на декораторовъ-профессионаловъ за то, что они не знали той пьесы, которую они должны были иллюстрировать. Нынѣ же сами авторы и постановщики предпочитаютъ, чтобы ху-

дожники ничего не знали о томъ, что будетъ происходить на сценѣ. Вѣдь чѣмъ меньше они будутъ знать, тѣмъ ихъ часть будетъ забавнѣе. И это будетъ хорошо, такъ какъ роль художника въ театрѣ молодомъ и вполнѣ современному сведена именно къ роли забавника, чѣмъ ли не шута, призывающего не для того, чтобы участвовать въ общей работе надъ выявленіемъ какой либо идеи, а для того, чтобы выкинуть колѣнце посмѣшище...

Все это въ порядкѣ вещей, и странно было бы требовать другое отношение отъ нашего «маскарильного» времени. Странно требовать, но и грустно констатировать, что такое отношение къ дѣлу установилось. И вотъ какъ разъ на выставкѣ въ музѣ Галлея это констатированіе получается само собой, оно напрашивается. Иные найдутъ, что сценический модернизмъ на ней еще недостаточно выявленъ, что ему, не въ полной мѣрѣ, сообщенъ характеръ триумфа, что еще слишкомъ много на немъ всякихъ «пережитковъ». Но съ меня и этого достаточно, чтобы понять, чѣмъ это все пахнетъ. Бѣда даже не въ дерзаніяхъ, которая успѣли стать общимъ мѣстомъ, которая изъ дерзаній превратились въ своего рода предпоказы, и успѣвшій въ фонахъ создать рядъ вполнѣ соответствующихъ настроений. Но возможность такого совпаденія большая рѣдкость, и, какъ правило, полезнѣе держаться системы раздѣленія труда, — тѣмъ болѣе, что техника декораций требуетъ массы специального опыта. Въ данномъ случаѣ (у Бати), можно было ограничиться крайнимъ схематизмомъ; таковой даже здѣсь совершенно умѣстенъ. Но тамъ, гдѣ нужна иллюзія пространства, иллюзія роскоши, иллюзія возсозданія эпохи или цѣлаго фантастического міра, тамъ требуется и большая специальная подготовка. И вотъ она-то и обречена на исчезновеніе.

Жердочками, ширмами, спиралями, шарами и прочими игрушками модернизма всего никакъ не передать. Не передать даже интимнаго уюта или той атмосферы обывателѣніи, которая такъ нужна во всей области, бытовой драмы и комедіи. А между тѣмъ, сколько было специфической прелести во всѣхъ прежніхъ иллюзионныхъ возсозданіяхъ и даже въ самомъ ихъ «возвѣщающемъ обманѣ», въ томъ, что все это была такая же «быть въ небылицѣ», какой является театръ въ цѣломъ, вся его стихія игры...

Александръ Бенуа.

очевидную разорительность ея для сельского хозяйства. Россия, — по словам внимательно наблюдавшаго русскую действительность английского журналиста, — обречена на гибель въ томъ случаѣ, если коммунистический режимъ ее систематически разоряющій, будетъ держаться еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ заключительной статьѣ Мэджериджъ жестоко критикуетъ иностранныхъ наблюдателей, посѣщавшихъ Россію въ качествѣ гостей совѣтскаго правительства или же въ качествѣ иностранныхъ туристовъ, находящихся подъ опекою «интуриста». Эти люди, пріѣзжающіе неиздлго, часто не владѣющіе русскимъ языкомъ и совершиенно не подготовленные для сужденій о глубокомъ хозяйственномъ кризисѣ, вызванномъ экономической политикой коммунизма, вернувшись домой, восхищаются «успѣхами» пятилѣтки и другими «достиженіями» коммунистического режима. Имъ вто-рять писатели, журналисты и экономисты, симпатизирующие коммунизму и наивно вѣрящіе совѣтской пропагандѣ и совѣтской статистикѣ, якобы свидѣтельствую-щей о «необычайномъ ростѣ» совѣтской Россіи.

Жестокая правда, разсказанная англійскимъ журналистомъ о страшной трагедіи великаго народа, находящагося въ ти-скахъ «самаго реакціоннаго» изъ всѣхъ, когда бы то ни было существовавшихъ въ Европѣ правительства, еще разъ ставить передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ вопросъ о необходимости уяснить разъ навсегда, что подъ покровомъ режи-ма диктатуры пролетаріата въ Россіи ца-рятъ терроръ и рабство.

Наряду, однако, съ вѣрной оцѣнкой ре-жима Мэджериджъ обнаруживаетъ плохое знакомство съ политическими эмигрантскими течениями. Онъ утверждаетъ, что эми-гранты, вернувшись въ Россію, замѣняютъ ГПУ «охранкой». Демократическая тече-ния русской эмиграціи всегда боролись и борются за демократическую Россію.

Русский балетъ изъ Монте-Карло

Первый спектакль Русского балета изъ Монте-Карло въ театрѣ Шатле прошелъ вчера съ огромнымъ успѣхомъ. Театръ былъ полонъ; всѣхъ исполнителей много вѣзыва-ли.

не франко-германского торгового договора окажется поэтому опаснымъ для нѣмецкаго народного хозяйства.

гласится, такъ какъ ему въ этомъ случаѣ было бы очень трудно увеличить свой запасъ золота и иностранной валюты.

Расколъ въ партіи соціалистовъ

Совѣщаніе 57 депутатовъ

57 депутатовъ-соціалистовъ, принадлежа-щихъ къ правому течению Реноделя — Деа, устроили вчера въ Парижѣ совѣщаніе. Рѣчь шла о формулѣ порицанія правымъ, кото-рую противоположная группа, во главѣ съ Поль-Форомъ, намѣрена предложить соціалистическому конгрессу 14 іюля.

Какъ извѣстно, Блюмъ и, еще больше, Поль-Форъ, Северакъ и Жиромскій, весьма раздражены тѣмъ, что «реноделевцы» отка-зались голосовать противъ бюджета.

На совѣщаніи Ренодель заявилъ, что Л. Блюмъ и Поль-Форъ первоначально предполагали потребовать исключенія изъ пар-тіи всѣхъ депутатовъ праваго толка. По-томъ было рѣшено ограничиться лишь пятью: Фrossаромъ, Маркѣ, Деа, Комперь-Марелемъ и Фіансеттомъ. Его, Реноделя, рѣ-шено «поощдить».

Платежъ 15 іюня

Вашингтонъ, 9 іюня.

Здѣсь получено сообщеніе, что итальян-ское правительство внесеть 15 іюня при-читающуюся съ него сумму въ 14 млн. дол-ларовъ. При этомъ Италия заявляетъ, что эта-тот взносъ является послѣднимъ.

Относительно Англіи точныхъ свѣдѣній еще не имѣется. Извѣстно только, что въ британскомъ кабинетѣ существуетъ острое разногласіе по этому вопросу.

Макдоальдъ и Болдуинъ стоятъ за то, чтобы платить. Невилль Чемберленъ и Сай-монъ рѣшительно возражаютъ.

Кромѣ Италии и, быть можетъ, Англіи, ни одно другое государство 15 іюня, по всей вѣроятности, ничего не заплатить. Здѣсь предполагаютъ, что американское общест-

во соображеніе вызвало крайнее негодо-вание аудиторіи. «Реноделевцы» рѣшили ни на какія уступки не идти.

Пренія носили весьма рѣзкий и личный характеръ. Въ отвѣтъ Поль-Фору, который сказалъ, что правая соціалистическая групп-па переживаетъ «кризисъ нравственности», Ренодель заявилъ, что ужъ Поль-Фору роль цензора нравовъ всего менѣе пристала.

**

Послѣ совѣщанія правое большинство членовъ соціалистической фракціи парла-мента выработало текстъ письма ко всѣмъ партійнымъ группамъ. Въ письмѣ этомъ до-казывается, что автоматическое отклоненіе бюджета отнынѣ является дѣломъ невозмож-нымъ.

**

венное мнѣніе, всецѣло поглощенное дѣ-ломъ Моргана, относится къ этому спокой-нѣ, чѣмъ отнеслось 15 декабря къ отказу отъ платежа Франціи.

**

Лондонъ, 9 іюня.

Состоялось засѣданіе совѣта министровъ. Обсуждался вопросъ о платежѣ 15 іюня.

По слухамъ, переговоры между Лондо-номъ и Вашингтономъ продолжаются.

**

Лондонъ, 9 іюня.

Считается возможнымъ, что Англія внесеть 15 іюня часть причитающейся съ нея суммы. Безусловный отказъ отъ какого бы то ни было платежа признается мало вѣро-ятнымъ.

Непримиримость Польши
Варшава, 9 іюня.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Бекъ сдѣ-лалъ слѣдующее заявление:

— Рѣшенія, которые будутъ приняты на основѣ «пакта четырехъ», ни въ какой мѣрѣ не будутъ связывать Польшу. Мы не обязаны сотрудничать съ четырьмя велики-ми державами, какъ съ единой организаці-ей. Вообще, боюсь, что примѣненіе пакта послужитъ началомъ кризиса Лиги Націй.

и признаютъ, что интересы ихъ пактомъ не затронуты. Франція не вмѣшивается во внут-рення дѣла другихъ странъ. Она не жела-етъ углублять рва между собой и соѣдѣніями. Нужно сдѣлать выборъ между политикой со-глашенія или полнымъ разрывомъ.

Выборъ правительства сдѣланъ. Въ резуль-татѣ пакта отношения между Франціей и Италіей значительно улучшатся. Правитель-ство выполнило свой долгъ, сдѣлавъ все, чтобы добиться соглашенія, вѣтъ котораго для народовъ нѣть спасенія!

Палата шумно и долго аплодируетъ премье-ру.

Форжо и Фланденъ

Начинаются пренія. Деп. Форжо произно-сить часовую рѣчь объ экономическомъ по-ложеніи. Выходъ изъ кризиса онъ видитъ

вительства, и пактъ можетъ быть послѣ это-го ратифицированъ въ нормальномъ поряд-кѣ.

Голосованіе

Краткое выступленіе Эрро, и предсѣда-тель ставить на голосованіе слова: «... от-вергаетъ всѣ поправки». Если эта фраза буд-детъ принята палатой, поправка Марена от-падаетъ.

Далѣдѣ ставить вопросъ о довѣріи.

Слова «... отвергаетъ всѣ поправки» при-няты большинствомъ 347 голосовъ противъ 245. Маневръ Луи Марена не удался.

Голосуется формула Эрро въ цѣломъ. Да-лѣдѣ вторично ставить вопросъ о довѣріи.

Палата вотируетъ кабинету довѣріе боль-шинствомъ 406 голосовъ противъ 185. Я. Ц.

На Международной конференціи труда

Женева, 9 іюня (Гавасъ).

Рабочая группа конференціи, послѣ бур-наго засѣданія, единогласно постановила не допускать въ комиссіи ни одного представи-теля германскихъ и итальянскихъ рабочихъ. По мнѣнию группы, Лей не представляетъ германскихъ, а Раза — итальянскихъ рабо-чихъ.

Отношеніе населенія было вездѣ самое ра-дущее. Въ Бѣловѣ ему дали лицъ, биф-штексъ и 8 стакановъ чаю. Сибирики оби-жались, что онъ отказывался отъ водки. Мат-тернъ жестами объяснялъ, что отъ алко-голя у него закружится голова. На это всѣ хо-ромъ отвѣтили: «Нѣть, нѣть!»

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

**

<p

Художественные письма

ОСЕННИЙ САЛООНЬ

У меня съ годами выработалось такое отвращение къ большимъ выставкамъ современного искусства, къ такъ называемымъ «Салонамъ», что мнѣ стоитъ большихъ усилий заставить себя посѣтить одно изъ такихъ торжищъ. Идешь вродѣ какъ бы по какому-то общественному долгу, а вступивъ на выставку, черезъ полчаса чувствуешь уже отчаянную ломоту въ спинѣ, ноги получаютъ пудовые гири, а то, что видишь, мучительно сливаются въ какую-то сѣрую «бесмысленную» массу...

Каждый разъ къ тому же, настрадавшись, выносишь одинаковое впечатлѣніе съ такой выставки — впечатлѣніе безнадежности. А между тѣмъ, вследу на такихъ выставкахъ имѣются и картины, и скульптуры и разные предметы, въ которыхъ есть талантъ, которые въ другихъ условіяхъ могли бы остановить внимание и понравиться. Вѣда, очевидно, въ чрезмѣрности этихъ агломератовъ и въ хаотичности такой смѣси.

Реакціей противъ все увеличивающагося «бѣдствія Салоновъ» явились «маленькие салончики». Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, можно удѣлить свое вниманіе отдѣльнымъ художественнымъ личностямъ, и уже это несравненно менѣе утомительно и болѣе интересно. Но сейчашь и салончиковъ расплодилось столько, что на нѣкоторыхъ улицахъ они имѣютъ тенденцію слиться въ какое-то подобіе одного сплошного базара, и такимъ образомъ, спасенія отъ давящей перепродукціи нѣть и въ нихъ.

Еще больше, однако, нежели размноженіе салоновъ, на появленіе чувства безнадежности дѣйствуетъ сознаніе полной тщеты са-мыхъ этихъ художественныхъ манифеста-

ций. Въ былое время люди за много мѣсяцій готовились къ тому, чтобы на годичной выставкѣ отличиться; это былъ настоящій публичный экзаменъ, которому себя подвергали какъ начинаящіе художники, такъ и совершенные *arrivés*. Пусть и смѣшнымъ кажется сейчасъ «великолѣпіе 1900 года» Grand Palais, но тамъ была какая-то парадность, какая-то торжественность. Здѣсь же, внутри нового зданія сразу поражаетъ общее впечатлѣніе убожства, не то больничной, не то казарменной казенщины. При этомъ даже не соблюдены основные требования архитектуры *moderne*, свѣта и воздуха недостаточно и, по вступлѣніи на выставку, вѣсъ ни въ малѣйшей степени не встѣраетъ «ощущеніе благополучія» (*bien être*), которое въ иныхъ, дѣйствительно передовыхъ, музейныхъ и выставочныхъ помѣщеніяхъ располагаетъ къ спокойному и пріятному созерцанію.

Такой характеръ, присущій новому выставочному помѣщенію, разумѣется, уже не способствуетъ тому, чтобы выставка осматривалась со специфической и желательной взволнованностью, съ той взволнованностью, которую удается вызывать дѣйствительно остроумной *présentation*. Но никакъ выразить не можетъ эту взволнованность и выставленное. Это не значитъ, чтобы все здѣсь было плохо и бездарно. Очень многое свидѣтельствуетъ, напротивъ, о наличіи пріятныхъ талантовъ, кое-что отличается милымъ чувствомъ или вкусомъ, кое-что извѣстнымъ мастерствомъ. Но въ фѣломъ, это все же «ничто среднее» и этого средняго такъ ужасно много, среди этого множества перлы такъ рѣдки и, напротивъ, столько совершенно неоправданныхъ претензій или отжившихъ шаблоновъ, что отсюда и получается характеръ утомительной безсмысленности.

Къ «рѣдкимъ исключеніямъ» принадле-

жать благородный, большой и спокойный, типично-французскій пейзажъ Удо; не безъ обычного шика набросана головка ванъ Донгена, — этого Каролоса-Дюрана нашихъ дней, и можно вполнѣ, по озѣю большого энтузиазма похвалить произведенія нѣсколькихъ другихъ столповъ Осенняго Салона: дамскій портретъ Джими, зимній пейзажъ Пюи, натюрмортъ (на блѣдно-зелено скатерти) Кавайля, «Скаковое поле» Брианшина, портретъ Вламенка, писанный Терешковичемъ. Но до чего же огорчительно дѣствуютъ другіе «столпы»! Вламенкъ съ его «серіальными» пошадами или претенціозной «Испаніей» Варокѣ, или большой синтетической пейзажъ Франдрена, или сахарное юю Эспанья, или неизвѣстно изъ чего сдѣланное юю Кислинга. Что съ ними со всѣми? Или это они отдавались однѣми «обязательными отписками», визитными карточками, которыхъ нельзѧ было не послать, какъ нельзѧ не присутствовать на похоронахъ какого-либо родственника или знакомаго.

3

Цѣлый залъ посвященъ тому явленію, которое еще «совсѣмъ недавно» (тѣль тридцать тому назадъ) было ошарашивающимъ своей новизной и которое злило, возмущало и возбуждало ожесточенные споры. Это залъ «кубистовъ». Но до чего же эта мѣшаница всякихъ отцовъ дѣрзновений не斯特рѣхъ вертушекъ, калейдоскопическихъ выхлестовъ и геометрическихъ складушекъ кажется сейчасъ скучной и старомодной! И самаго упорного буржуза эти гримасы и выкрутасы не способны теперь поразить или озадачить. Онъ привыкъ къ нимъ. Онъ даже повѣрилъ, что хоршій тонъ требуетъ все это *admire*. Но бывшіе специалисты эпатировани не унываютъ; они даже группируются вмѣстѣ, выступаютъ, подъ начальствомъ Глэза, тѣснѣмъ батальономъ, забывая, что такая «стратегія» въ настоящий моментъ, пожалуй, и не цѣлесообразна.

На другомъ полюсѣ съ этимъ явленіемъ помѣщается явленіе наименѣе передового характера — это отдѣленіе религіознаго

искусства. И что-же? Эти старинкой отдающія композиціи, какъ ни какъ, симпатичнѣе и трогательнѣе тѣхъ старѣющихъ фотографовъ. Надъ всѣмъ доминируетъ искусство почтеннѣйшаго Жоржа Девальера. Я не могу сказать, чтобы я это искусство принималъ въ свое сердце. Мнѣ не по душѣ эти кровавыя, эти ультрапатетическія, во страдающемъ Христѣ, откровенія, въ которыхъ такът непримиримымъ диссонансомъ звучатъ одновременно отголоски национально-патріотическихъ гимновъ. Мнѣ хочется спорить и противъ самыхъ средствъ выражения идеи Девальера. Идеи мнѣ чужды, но все-же онъ внушаютъ глубокое уваженіе, ибо ни минуты нельзѧ сомнѣваться въ искренности этого искусства. Несоответствіе же средствъ выраженія заключается въ какомъ-то черезчурѣ бравомъ росчеркѣ, въ какихъ-то иллюстративныхъ эффектахъ. Но таковъ былъ Девальеръ всегда и съ этимъ ничего не подѣлашь... Надо скорѣе удивляться, до чего онъ лично еще свѣтъ, бодръ и горячъ въ своемъ творчествѣ.

Если меня спросятъ, что въ концѣ концовъ кромѣ помянутыхъ «исключений» я одобряю вполнѣ, то я смогу назвать еще десятка два именъ и полетни произведеній. Эти картины, пожалуй, даже годятся для музеевъ — но только не для тѣхъ музеевъ, въ которыхъ будущія поколѣнія придутъ знакомиться съ духовными вершинами нашего времени, а для тѣхъ музеевъ, которые будутъ ставить себѣ болѣе скромную задачу и ограничатся тѣмъ, что будутъ знакомить съ нашимъ вкусомъ, съ нашей способностью видѣть и передавать вещи. Среди безчисленныхъ вообще натюрмортовъ, слѣдуетъ выдѣлить натюрмортъ Сюзаннъ Лаликъ, въ которомъ такъ много музыкального чувства (сопоставлены два аккорда — одинъ въ рѣзкомъ фортиссимо, другой въ мягкомъ шано). Много вкуса и въ картинахъ Жуффруа, Дареля, г-жи Леви, г. Лабуле, Марко, Паршона-Меле, Аино, Лебарбѣ-Капиль, Шевалье, Эдельмана; сюда же относятся и «Цвѣточная» картина Жубера, Жака Деніе, Анри-Де-

зиръ, Бардона, японца Шаканусеке-Ока (*Hommage à Ravel*).

Изъ портретовъ или «портретныхъ этюдовъ» я назову картины Эзъ (Heuze), Герена, Мютера и въ особенности работы талантливѣйшихъ нашихъ художниковъ Добринского и Жака Шапиро. Всѣхъ «хорошихъ» или «не плохихъ» пейзажей не перечесть (ихъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ натюрмортовъ), а потому приходится ограничиться упоминаниемъ именъ Видала, Барбера, Эйеншитца, Делапланша, Пакуиль, Черкесова, г-жи Альль, Ренефера, Пиниса, Мэнсіа, г-жи Риверъ. Выработалась особыя категорія специалистовъ по уходящему (живописному въ своемъ безобразіи) Парижу, идущихъ по стопамъ учредителя этого рода японца Огиса. Кромѣ него самого, особого вниманія заслуживаютъ здѣсь Делатушъ и Шахъ-Назарь.

Изъ картинъ, которая *à la rigueur* можно причислить къ бытовой живописи, наибо-лѣе интересны потѣшнай, какъ всегда цвѣтистая, *à la Breijer* виртуозно-писаная композиція Богалея «Аукціонъ въ дерев-нѣ», и здѣсь же можно упомянуть объ «Испанскомъ рыбакѣ» Клавье Буэно и объ «Раздѣвальнѣ манекеновъ» Моско. Среди большого числа пагод натуры выдѣлимъ картины Милиха, Пакуиль, Эберля, Гликмана. Среди энтерьеровъ особою пріятны работы Клейна, Лемана, Малютовича и Пикельнаго. Среди декоративныхъ или символическихъ «задачъ» менѣе другихъ претенціозны и болѣе другихъ любопытны «Возвращеніе со сбора винограда» Шаплен-Миди и «Сонъ Парижа», проектъ для шпалеры Латапи. Немало картинъ въ наивномъ духѣ, и среди нихъ можно найти нѣсколько мильыхъ или курьезныхъ. Къ нимъ-же можно отнести и склесинное изъ лоскутовъ «Шоклоненіе вол-ховъ» г-жи Вебер-Липси.

Объ англійской секціи, о скульптурѣ, о театрѣ, объ искусствѣ празднествъ и о при-кладныхъ художествахъ, представленныхъ на «Осеннемъ Салонѣ», я буду говорить въ слѣдующій разъ.

Александръ Бенуа.

держація въ приложенихъ
примѣніяхъ къ сочиненіямъ В. И. Ле-
нина» и «обязать институтъ Маркса-Эн-
гельса-Ленина ускорить переизданіе Мар-
кса-Энгельса и В. И. Ленина».

Въ такомъ, препарированномъ специ-
ально подъ «краткій курсъ» видѣ сочиненія
«большевистскихъ апостоловъ» и будуть
«переизданы», въ угоду современному со-
вѣтскому «отцу народовъ». А что этотъ
учебникъ послѣдовательно и «внѣ всякой
исторіи» выдвигаетъ на первое, и единственное мѣсто самого Сталина, обѣ-
зть говорять вышеуказанныя статьи
нашего сотрудника.

Передовалъ «Правды» поясняетъ, что
книга разсчитана на то, чтобы воспиты-
вать большевистскихъ политиковъ... умѣ-
ющихъ на опытѣ прошлого разбираться
въ событияхъ нашихъ дней, и что такие
политики «поведутъ, подъ руководствомъ
партии Ленина-Сталина, весь совѣтской
народъ къ побѣдѣ коммунизма».

Можно легко себѣ представить, какъ
ряко и старательно услужливые пропа-
гандисты, руководствуясь «краткимъ кур-
сомъ», будуть разъяснять, кто, на опытѣ
прошлого, сумѣлъ разобраться въ собы-
тияхъ нашихъ дней, и кто не «поведеть»,
а уже ведеть, весь совѣтской народъ во-
обще, отъ побѣды къ побѣдѣ, не зная ни
въ чёмъ поражений...

Одно неудобно: придется снова занять
такъ сурово осужденныя «полу-асеровскія
позиціи» и заговорить «о роли личности
въ исторіи». Надо думать, что на этотъ
разъ «ересь» будетъ допущена,

Амністія убійцамъ Інукан

Токіо, 18 ноября.
Смягчена участъ 14-ти человѣкъ, приго-
воренныхъ къ пожизненному тюремному за-
ключению, или къ заключению на продол-
жительные сроки, за убийство министра-
президента Інукан и министра финансовъ
Інуйе.

ОТВѢТЬ ЯПОНІИ С. ШТАТАМЪ

Токіо, 18 ноября.

Опубликованъ отвѣтъ японскаго прави-
тельства на американскую поту протеста
противъ нарушения правъ гражданъ С. Шта-
товъ въ Китаѣ.

Въ очень подробной нотѣ, занимающей
девять страницъ, указывается, что мѣры
японскихъ властей направлены не спе-
циально противъ американцевъ, а противъ
иностраницъ вообще, что онѣ — неизбѣж-
ный результатъ военныхъ дѣйствій, и бу-
дутъ кое-въ-чемъ измѣнены, какъ только
обстоятельства это позволятъ.

Японское правительство, — сказано
въ заключеніи ноты, — убѣждено, что, въ
виду создавшагося на Дальнемъ Востокѣ
новаго положенія, попытки примѣненія къ
нему старыхъ идей и принциповъ не спо-
собствовали бы сохраненію прочаго мира
въ восточной Азіи и не разрѣшили бы во-
просовъ, требующихъ немедленного разрѣ-

шенія. Если это будетъ понято, то Японія
не намѣрена противиться участію С. Шта-
товъ и другихъ державъ въ работѣ по воз-
становленію восточной Азіи на торговыхъ
и промышленныхъ основаніяхъ.

**
Токіо, 18 ноября.
Японскій отвѣтъ С. Штатамъ редактиро-
ванъ въ очень осторожныхъ выраженіяхъ. О
принципѣ «открытыхъ дверей» въ нотѣ
нѣтъ ни слова.

**
Пекінъ, 18 ноября.
Японія намѣрена образовать въ Китаѣ
федеральное правительство, во главѣ кото-
рого, по всейѣроятности въ качествѣ пре-
зидента, будетъ поставленъ генералъ Ву-
Пей-Фу. На постъ премьер-министра будетъ назна-
ченъ бывшій манчжурскій министръ ино-
странныхъ дѣлъ Чангъ-Ень-Чинъ.

Расизмъ въ Италіи

Выступленіе Эціо Гарибальди

Римъ, 18 ноября (Гавасъ).

Фашистскій депутатъ, Эціо Гарибальди,
племянникъ знаменитаго итальянскаго пат-
риота, въ журналѣ «Камічія Росса» высту-
пилъ съ весьма рѣзкимъ осужденіемъ ра-
систскихъ теорій.

Гарибальди рѣшительно осуждаетъ взглѧ-
ды Альфреда Розенберга и Штрейхера, про-
тестуетъ противъ утвержденія, будто міро-
вая война возникла изъ-за еврейскаго заго-
вора, и выступаетъ въ защиту евреевъ, на-
поминая имена Манина, Артома, Соннино, а
также другихъ итальянскихъ евреевъ, имѣю-
щихъ всѣ права на благородность родины.

Въ патріотизмъ итальянцевъ еврейскаго
 происхожденія сомнѣваться не приход-
ится.

Король Кароль въ Бельгії

Лондонъ, 18 ноября.
Король Кароль выѣхалъ изъ Дувра въ
12 час. 15 мин. Король поѣхть Брюссель
и Парижъ.

Брюссель, 18 ноября (Гавасъ).
Прибыли король Кароль и воевода Ми-
хайль. Высокихъ гостей на вокзалѣ встрѣ-
чалъ король Леопольдъ.

Іенсъ Мюллеръ

Копенгагенъ, 18 ноября.

Скончался, на 72-омъ году, Іенсъ Мюл-
леръ, знаменитый авторъ «Мої системъ».

Въ Болгарії

Софія, 18 ноября.

Министръ-президентъ Кьюсейвановъ, от-
вѣчая на интерpellациії, высказался за уп-
роченіе добрыхъ отношеній съ Югославіей
и Турціей. Будутъ продолжаться также пе-
реговоры о разрѣшении спорныхъ вопро-
совъ съ Румыніей и Греціей. Палата, зна-
чительнымъ большинствомъ, выразила до-
вѣріе кабинету.

Італія присоединилась къ морскому соглашенію

Лондонъ, 18 ноября.

Італьянское правительство довело до
средѣнія форензъ офісъ, что оно присоеди-
няется къ морскому договору 1936 г. о ка-
чество сокращеніи вооруженій. Оно соглашается также установить предѣльный
тоннажъ въ 35.000 для линейныхъ судовъ.

Інцидентъ въ Петервальдѣ

Прага, 18 ноября (Гавасъ).

550 чехословакскихъ горнорабочихъ въ
Петервальдѣ (Тешенѣ), спустившись въ ко-
ни, отказались подняться наверхъ, заявивъ,
что не выйдутъ, пока копи не будутъ воз-
вращены Чехословакіи.

**

Варшава, 18 ноября (ПАТ).

По поводу инцидента въ Петервальдѣ со-
общается, что дѣло идетъ о рабочихъ, под-
давшихся на агитацию коммунистовъ. Стро-
енія при копяхъ заняты войсками.

Органъ наркомвона «Красная звезда»
печатаетъ описание того, что произойдетъ
въ случаѣ войны между СССР и Германіей.

— Немедленно, — пишетъ газета, —
отдается приказъ совершить налетъ на Ке-
нігсбергъ, Гдансъ (хотя это не нѣмецкій, а
польскій портъ) и Киль. Наши аэропланы
пронесутся надъ Нѣманомъ, Вислой и Поз-
нанью. Мы приближаемся къ Кюстрину и
Франкфурту — на — Одерѣ.

Мы сбрасываемъ бомбы въсомъ въ тонну.
Взрываются непріятельскіе нефтяные бас-
сейны, ангары, аэродромы. Намъ навстрѣчу
вылетаютъ непріятельскіе истребители, но
они не могутъ остановить нашихъ бомбово-
возвозовъ.

Въ Палестинѣ

Заявленіе Нашашиби

Лондонъ, 18 ноября (Гавасъ).

Въ телеграммѣ, адресованной президенту
межпарламентскаго комитета въ Лондонѣ,
Рахебъ-бей-Нашашиби, предѣдатель партіи
защиты арабской Палестины, категорически
опровергаетъ слухи о расколѣ среди ара-
бовъ. По словамъ Нашашиби, нѣтъ такихъ
арабовъ, которые не были бы готовы цѣною
собственной жизни вести борьбу противъ
декларации Бальфура и мандата.

Гоненія на церкви въ Германіи

Антикатолическая манифестація
Мюнхенъ, 18 ноября (Гавасъ).

Ночью въ Мюнхенѣ происходили анти-
католическая манифестаціи. Католики ука-
сили цвѣтами статую Богородицы, воздвиг-
нутую на одной изъ главныхъ площадей.
Ночью молодые люди побили горшки съ цвѣ-
тами и унесли цвѣты.

Туберкулезныхъ — много;
средствъ — мало.

Жертвуйте, сколько можете!

мы Федерация: наше войско не
истребляетъ мирного населенія. Они ле-
тятъ дальше къ Ганноверу. Городъ погру-
женъ во мракъ, но наши ребята на мѣст-
ныхъ заводахъ подаютъ намъ сигналы. Не-
смотря на всѣ попытки нѣмцевъ остановить
насъ, мы несемся къ крупновскімъ заво-
дамъ и сносимъ ихъ съ лица земли.

Въ заключеніе, статья все же добавляется:
«Правда, этотъ налетъ еще не совершился.
Однако, если фашистскіе бандиты вызовутъ
пограничный инцидентъ, то тысячи нашихъ
бомбовозовъ мгновенно поднимутся съ аэро-
дромовъ и безпощадно сотрутъ съ лица зем-
ли зачинщиковъ войны».

Судьба Шушнига

Лондонъ, 18 ноября.

По словамъ англійскихъ газетъ, жена
бывшаго канцлера Шушнига, графиня Фут-
геръ, просить своего мужа высказаться въ
пользу аншлусса и обеспечить этимъ свою
жизнь и будущее своего сына.

Если вѣрить «Дэйли Геральду», Шуш-
нингъ выразилъ готовность сдѣлать такое за-
явление на судѣ. Но отъ Муссолини было
получено сообщеніе, что Италія не сочув-
ствуетъ судебному разбирательству, на ко-
торомъ возникъ бы вопросъ объ отношені-
яхъ между Италіей и Австріей.

Турніръ АВРО

Амстердамъ, 18 ноября.

Сегодня разыгрывались отложенные пар-
тии.

Ботвинникъ выигралъ у Алексина.

Партія Кересъ — Эве кончилась въ ни-
чью.

Исправляемъ ошибку вчерашняго сооб-
щенія: не Флоръ выигралъ у Капабланки, а
Капабланка у Флора.